

Сентября 24 (7 октября)

Священномученик
Павел Березин

Священномученик Павел родился в 1866 году в селе Маковницы Софрониевской волости Кашинского уезда Тверской губернии в семье священника Михаила Березина. Мы ничего не знаем о первоначальном его воспитании и образовании, но, по всей видимости, он окончил, как и большинство детей духовенства, семинарию, после чего поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета. Окончив университет, он вернулся на родину, в Тверскую губернию и стал преподавать Закон Божий в Новоторжской учительской семинарии. Когда Павлу Михайловичу исполнилось тридцать семь лет, он был рукоположен в сан священника. С этого времени его жизнь была полностью посвящена церковному служению. Отец Павел, по свидетельству прихожан, был выдающимся проповедником и говорил проповеди за всеми церковными службами.

Отец Павел рано овдовел, и когда начались гонения, дети, будучи взрослыми, жили уже не с ним, и это дало возможность его сыну беспрепятственно получить образование в Ленинградском университете. В двадцатых годах о. Павел служил в Вознесенском храме села Котова Молоковского района, и в этом же селе, где было тогда несколько домов, он снимал комнату.

В 1929 году по распоряжению советских властей начался новый этап гонений на Русскую Православную Церковь, когда по всей стране закрывали православные храмы и арестовывали духовенство и мирян. Если свеча стоит на подсвечнике и светит всем в доме, то в периоды гонений противники Христа всегда стараются ее угасить, дабы свет не обличил, что дела их злы. Отец Павел не раз в проповеди с амвона с сокрушением сердечным указывал прихожанам, большей частью это были женщины, на злое разлитие греха по нашей земле, что женщины ни за что теперь считают убийство своих детей во чреве, отчего детей рождается все меньше и земля наша безлюднее. Те, чья вера была поглубже и потверже, горевали об этом вместе со священником, а некоторые из женщин в помрачении сердечном не только не задумывались о содеянном, но в состоянии какого-то безумия смеялись над священником, над тем, что он считает великим злом то, что они за грех не считали.

Дом священника стоял неподалеку от школы, дети в селе и окружающих деревнях еще не были столь развращены, как в городе, у многих родители были глубоко верующими людьми и ходили с детьми в церковь. Некоторые просили у священника книги для чтения. Отец Павел давал им книги по Закону Божию, Священную историю Ветхого и Нового Завета, сборники рассказов нравственного содержания. По прочтении дети возвращали книги и просили почитать другие, восполняя таким образом пробелы светского образования, враждебного тогда Церкви. Это продолжалось до января 1929 года, когда однажды директор школы, войдя в класс до начала занятий, увидела, что ученики с увлечением читают какие-то книги; такого еще не бывало, это настолько поразило ее, что она несколько минут стояла молча, не зная, что сказать. Некоторые дети стали показывать книги, говоря: «Смотрите, Татьяна Васильевна, какие нам дали

книги». Она стала отбирать книги, и, видя это, дети попрятали их под парты. Но директор настояла, чтобы книги отдали ей. Среди них была книга «Таинство святого причащения» и множество проповедей.

– Откуда вы получили эти книги? – спросила директор.

Дети ответили, что их им дал священник.

Отобранные книги она отправила секретарю волостной партийной ячейки с соответствующим сопроводительным письмом.

Узнав от детей о том, что директор отобрала у них книги, о. Павел пришел к ней в школу и сказал:

– Эти книги принадлежат мне, и я прошу мне их и вернуть. Вы живите – как хотите, а я буду жить – как я хочу, у вас свое, а у меня свое. Вы вот как воспитываете детей, разве можно так воспитывать, что дети бегают у вас по церковной ограде и по могилам?

Директор книг не отдала. Впоследствии начальник волостной милиции вызвал священника и потребовал, чтобы о. Павел больше не давал детям религиозную литературу. «Раз этого делать нельзя, то этого делать не буду», – ответил священник. На этом все бы и закончилось, если бы не было распоряжения центральных властей о начале кампании против Церкви.

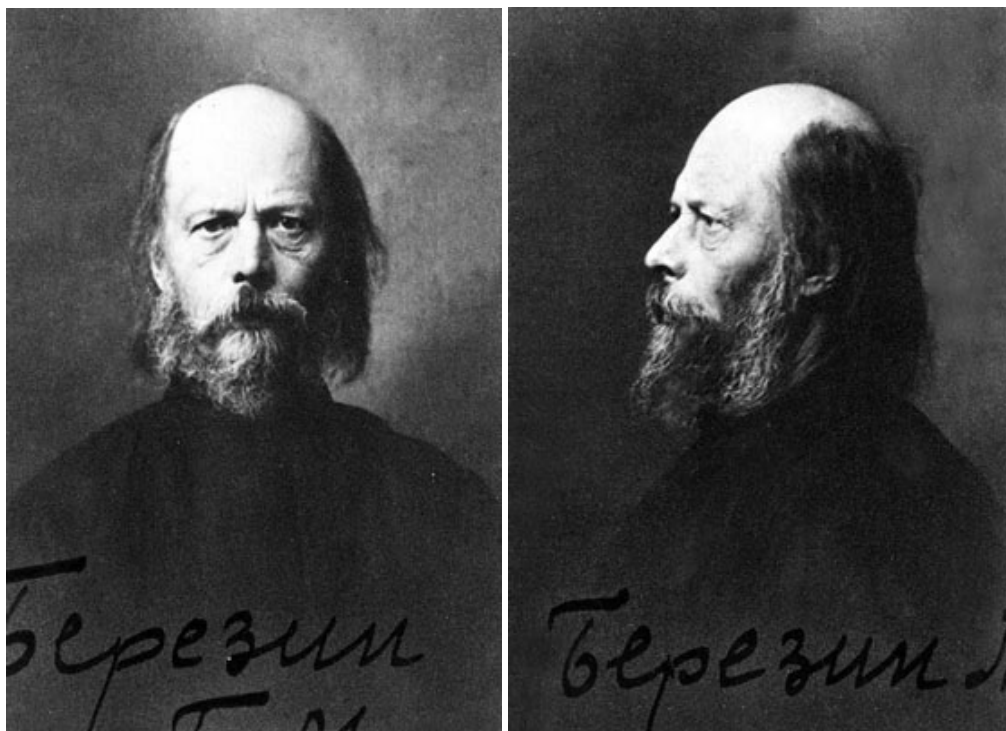
21 сентября 1929 года директор школы была вызвана к следователю и подтвердила, что священник действительно давал детям читать религиозные книги. После нее в тот же день к следователю была вызвана учительница школы, которая показала: «Находясь на квартире, занимаемой мною в селе Котове, однажды к моей квартирной хозяйке явилась в посидки гражданка села Котова Платонова Анна, каковая в процессе разговора с моей хозяйкой сказала, что батюшка дал интересную книгу ей и велел последнюю прочесть ее дочери Соне, ученице моего класса. Разговор Платоновой с моей хозяйкой я услышала через переборку, так как я сама лично находилась в другой комнате. Выйдя из своей комнаты в комнату беседующих женщин, я спросила у Платоновой, что у нее за книга и откуда последнюю она получила. Платонова на мой вопрос ответила, что книгу ей дал священник села Котова Березин, но книги она при себе не имела. На следующий день мною о разговоре с Платоновой было сообщено уполномоченному... Последний просил достать книгу, для чего я пошла к Платоновой. Получить книгу от Платоновой мне не удалось в силу того, что она заявила: «Березин книгу отдавать никому не велел».

Кроме того, мне лично самой приходилось слышать от гражданки села Новое Котово Филипповой Анны, что во время исповеди Березин говорил ей, что не нужно пускать на спектакль дочку в силу того, что спектакли – бесовское наваждение».

В тот же день следователь допросил местного комсомольца, подавшего заявление на поступление в члены партии. Он показал: «Я слышал от ныне умершей Николаевой, что Березин давал ученикам школы книги, как-то: Закон Божий, Священную историю и тому подобное. И что Николаеву Березин приглашал несколько раз зайти... а также она говорила, что поп Березин говорил ученикам после занятий в школе, давая литературу: «Читайте, она вас приведет к добру...» Мероприятий Березина против колхоза я не знаю. Мне пришлось слышать от комсомольца Хорева Николая Андреевича... что ему его мать Варвара Хорева говорила, чтобы он ушел из комсомола, что в комсомоле его испортят и о. Павел его ругает...»

Получив эти показания, следователь вызвал на допрос Варвару Хореву, которая показала: «Священник о. Павел на исповеди мне стал говорить, что у тебя есть сын комсомолец, на что я ответила, что есть, а у меня в семье верно, есть сын Николай Хорев, состоящий в комсомоле. Когда я ответила о. Павлу Березину, что сын комсомолец вреда нам не делает, он, Березин, ответил, что так нельзя позволять».

В тот же день следователь арестовал священника, и он был заключен в камеру при Молоковском отделении милиции. На следующий день следователь допросил священника; о. Павел, отвечая на вопросы, сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю и по делу объясняю, что при селе Котово, где я служу в церкви, а также проживаю, имеется школа, в которой обучаются ребяташки окружающих селений. Было два или три случая, когда ко мне некоторые ученики-ребятишки обращались по несколько человек с просьбой дать почитать книжек, ввиду чего я им давал книжки «Закон Божий», «Молитвы», «Святая история Ветхого и Нового Завета», рассказы нравственного характера, и некоторые из этих книжек я получил от ребятшек обратно, а часть книжек в школе учительница Васильева отобрала у ребятшек и мне их не вернула, а куда она их дела, я не знаю... С учительницами, ввиду невозвращения ими мне моих книжек, даваемых ребятшкам, я не ругался совершенно, а только их просил возвратить эти книжки. Кому именно я давал из учеников литературу персонально, фамилии учащихся припомнить не могу... Ко мне однажды обратилась гражданка Платонова за книжкой, и я ей дал книжку, но при этом не говорил дать книжку почитать дочери. При религиозных обрядах, проповедях и исповедях я никогда не использовал свое положение в целях проведения мероприятий против власти... Против того, чтобы молодежь посещала красные уголки, против комсомола никогда ничего не предпринимал».

*Священник Павел Березин.
Бежецкая тюрьма, 1929 год.*

После допроса о. Павел был отправлен под конвоем в Бежецкую тюрьму, все небольшое имущество его было описано и изъято, причем из списка изымаемого не вычеркивалось ничего, не исключая рясы, одеяла с подушкой и карманных часов.

В течение двух последующих дней следователи допросили некоторых жителей села: «Я сама никому не говорила и ни от кого не слышала, что монастырщики хотят нашу деревню поджечь и побить за то, что арестовали священника, а говорил ли кто об этом, я не знаю. В церковь села Котова я не хожу уже около пяти лет, а ранее ходила и однажды слышала, как священник Березин в проповеди сказал, что «вот теперь такое время настало, женщины стали делать аборты, это грех, и из-за этого детей стало мало», на что в деревне Новой села Котова женщины смеялись. Говорил ли поп Березин в проповедях или на исповедях что-либо относительно власти, я не слышала и не знаю. У нас в деревне живут довольно хорошо Старшиновы, и были ли случаи со стороны Старшиновых какие-либо преследования комсомольцев, я не знаю и не слышала».

«Проживая в селе Котове, я ходила в церковь молиться. После службы священник Павел Березин иногда говорил проповеди, в которых он, как я понимаю, говорил о Боге, а говорил ли он что-либо о власти, налоге, колхозе и тому подобном, я хорошо не знаю, да у меня забита голова семейными трудами, о которых я все в церкви и думаю, и что он, Березин, в проповедях говорил, я не всегда слушала. На исповеди Березин меня спрашивал, слушаются ли дети меня. На что я отвечала, что слушаются, и больше он мне ничего не говорил. Верно, я от Березина принесла дочери своей почитать книжку с картинками, и эту книжку я давала своей дочери почитать, а за книжкой я сама ходила к Березину, думая, что у него есть книжки, но он меня не зазывал к себе за книгой».

«В 1929 году я действительно ходила в церковь села Котова к священнику Березину на исповедь, во время которой он, Павел Березин, меня о грехах не спрашивал, а только сказал: «На спектакле была?» Я ответила: «В деревне Новой села Котова была на спектакле». На что он мне ответил, что на спектакли ходить нельзя, грешно. Павел Березин на исповеди сказал моей матери: «Зачем отпускаешь детей на спектакли?» Но я все равно ходила на спектакли, но также ходила и в церковь. В церкви проповеди Березина я слушала, но из них ничего не понимала».

Не удовлетворившись этим, следователь допросил комсомольцев, один из которых стал показывать против своих односельчан Ивана Феоктистова и Семена Старшинова, будто бы они выступали против организации колхоза. Причем пожаловался, что хотя местные власти уже несколько раз лишали Семена Старшинова избирательных прав, его всякий раз в конце концов восстанавливали. Большим преступлением было сочтено то, что на сельском сходе, посвященном самообложению, на котором было принято решение о 25% самообложении, ни Старшинова, ни Феоктистова не было, а когда они принимали участие, сход принял решение только о 15% самообложении.

Вызванный на допрос Алексей Александров (в 1918 году он командовал продотрядом) показал, что Семен Старшинов и вся его семья до сих пор не может примириться с советской властью. Впрочем, ничего конкретного он назвать не смог, а, желая себя оправдать, сказал, что «Старшиновы очень хитрые и осторожные, на собраниях открыто против того или другого мероприятия не выступают и действуют через других. Через кого, я, конечно, сказать не могу».

Был вызван на допрос председатель церковного совета Дмитрий Петров, который сказал: «Мне как председателю церковного совета приходится в церкви бывать и слушать проповеди священника Березина, которые он говорит часто. В проповедях он говорил, что в настоящее время нравственность пала, дети не слушаются родителей, развивается преступность, хулиганство и так далее».

Деревенский комсомолец Семен Егоров на допросе дал против Семена Старшинова показания самые нелепые: будто тот, когда Михаила Егорова в 1918 году выбирали уполномоченным от уезда, дал ему такой наказ: «Если советская власть даст нам хлеба, пусть существует, а если не даст, то такая власть нам не нужна», а также будто бы он хотел убить Михаила Егорова и выдрать нерадивых крестьян за незаботу о церкви.

Семен Старшинов на допросе сказал: «Выбирался ли в 1918 году Михаил Егоров в уполномоченные от общества, я не помню, а также не помню, давал ли какой ему наказ от имени общества. Драть за неисправность исповедей я никого не собирался и не предполагал это делать».

Был вызван на допрос и член сельсовета, который, лжесвидетельствуя, давал показания, всецело руководствуясь партийными директивами: «Мне как члену сельсовета и комсомольцу-общественнику приходится ощущать ожесточеннейшую классовую борьбу в нашей деревне. Поповщина с группой кулаков Семеном Старшиновым, Иваном Феоктистовым противодействовали всякой общественной работе комсомольской ячейки... Противодействие исходит сразу из двух лагерей. Попы обрабатывают в церкви во время исповеди, проповедей, как например, поп Березин во время исповеди спрашивал, комсомолец ли сын. Когда она ответила: «да», то он начал ей говорить нехорошее. Старшиновы, Феоктистов и их подкулачники проводят свою деятельность вне церкви, в закоулках и в уголках, вне и во время собрания... Когда приехал землеустроитель Крузе, то женщины подняли шум-гам, затопали ногами и с криками: «не надо землеустроительства» собрание сорвали...»

Вызванный на допрос Иван Феоктистов сказал: «Когда было собрание по вопросу землеустройства, меня дома не было».

Одна из участниц собрания на допросе показала: «В 1928 году на сходе обсуждали вопрос о землеустройстве и во время собрания я говорила, что нужно подождать землеустройства до прихода с заработка мужиков, так же говорили и другие женщины... И землеустройство у нас в деревне не состоялось... Делили ли землю в прошлом году и до конца ли собрания был землеустроитель, не помню... В церковь я ходила, и проповедей, что священник Березин говорил, я не понимала, а на исповеди у меня Березин спрашивал о грехах».

На основании подобных показаний 29 сентября ОГПУ арестовало Семена Старшинова и Ивана Феоктистова, они были заключены в Бежецкую тюрьму.

ОГПУ допросило учительницу, которая сказала: «Священник села Котова Павел Березин в конце января 1929 года среди детей-школьников распространял церковную религиозную литературу, каковую мы отобрали у детей, принесших эту литературу в школу. После чего священник Березин приходил к заведующей школой и требовал книги обратно. Открытых антисоветских выступлений я с его стороны не слыхала, на исповеди женщинам-матерям не велел пускать своих детей на спектакли... мол, там дьявольское наваждение. Когда в деревне Новой села Котова организовался колхоз, братья Старшиновы, главным образом Семен Платонович, и Феоктистов, бывший торговец, – оба лишенные избирательных прав – среди крестьян-колхозников агитировали: «У вас ничего не выйдет,

находите в лаптях, все передерется...» В результате колхоз развалился и лишь через несколько месяцев вновь организовался».

Семен Старшинов. Бежецкая тюрьма, 1929 год.

В тот же день был допрошен крестьянин, который сказал: «Священник Павел Березин был в хороших отношениях со Старшиновым. Каждый праздник у него останавливался, пил чай. Никаких суждений по поводу соввласти не было. Ведет ли священник антисоветскую агитацию, я не знаю. Сам я никогда против советской власти не выступал».

13 октября следователь ОГПУ составил текст постановления, в котором писал: «Рассмотрев следственный материал по делу, в коем они достаточно изобличаются в том, что вели антисоветскую агитацию, направленную на срыв проводимых соввластью кампаний... стремились развалить комсомольскую организацию путем угроз, влияния на родителей и так далее, постановил: привлечь Березина, Старшинова и Феоктистова в качестве обвиняемых, предъявив им обвинение в антисоветской агитации».

20 октября обвиняемые были вызваны в последний раз к следователю; на вопрос, согласны ли они с предъявленным обвинением, о. Павел сказал:

– По существу... виновным себя не признаю. Антисоветской агитации в проповедях и частных беседах не вел, разваливать комсомольскую ячейку путем влияния на родителей не стремился. Все предъявленные обвинения считаю чистойшей клеветой.

Иван Феоктистов сказал: «По существу предъявленного обвинения виновным себя не признаю. Антисоветской агитации не вел, самообложение не срывал, даже на этом собрании не присутствовал, землеустройство я не только не срывал, но сам был инициатором его проведения».

В то время, когда обвиняемые находились в тюрьме, в газетах была развернута кампания против них. Одна из статей в газете «Бежецкая жизнь»

кончалась словами: «Теперь, когда ведется следствие, когда в район выезжают рабочие бригады, надо принять все меры к тому, чтобы каленым железом выжечь осиное гнездо кулачья, попов и подкулачников.

Только при условии ликвидации кулацкой шайки и при условии широкого развертывания массовой работы, в частности – с беднотой, деревенские передовики смогут успешно вести свою работу по социалистическому устройству деревни.

Железная рука пролетарской диктатуры жестоко накажет тех, кто вредит нашему социалистическому строительству, тех, кто преступной рукою вырывает из наших рядов лучших борцов!»

Иван Феоктистов. Бежецкая тюрьма, 1929 год

В конце ноября 1929 года дело было направлено в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ для внесудебного разбирательства. 13 января 1930 года Особое Совещание приговорило священника Павла Березина к высылке в Северный край на три года, а крестьян Семена Старшинова и Ивана Феоктистова – к лишению свободы сроком на шесть месяцев. 23 марта священник этапом прибыл в один из северных лагерей, откуда его отправили в ссылку в город Мезень Архангельской области.

Вскоре о. Павел направил прошение во ВЦИК с ходатайством об освобождении. Оно было удовлетворено, и 18 июля 1931 года священник выехал из Архангельска в село Котово Тверской области, где стал служить в той же церкви. Он жил один – жена скончалась, сын Дмитрий учился в университете и почти не писал. Соприкосновение с безбожием, несмотря на сохранившееся глубокое уважение к отцу-священнику, привело к тому, что молодой человек почти утратил веру и на одно из писем о. Павла к нему весной 1937 года отвечал: «Дорогой папа! Уже давно получил твое письмо, но все не мог выбрать время,

чтобы ответить. Тем более, что это дело для меня очень сложное, так как это первое мое письмо к тебе.

За присланные деньги меня благодарить не следует, так как это все же моя обязанность, хотя ты принадлежишь к другому миру и, вероятно, враждебно относишься к тому делу, за которое мы, большевики, боремся. Но я знаю о твоём тяжелом положении, и мне всегда очень хочется тебе помочь, но возможности для этого пока нет, так как я окончу университет лишь осенью, а стипендия невелика для Ленинграда. Но как поступлю на работу, при первой же возможности буду тебе помогать. И не уверяй, что Бог не оставит меня своей милостью. Когда вы, верующие, «творите добро», вы обязательно ждете награды за это, если не в земном, то в загробном мире. Мы же, неверующие, делая какое-либо хорошее дело, не думаем ни о какой награде. Для нас лучшая награда – это сознание того, что сделанное нами дело полезно для человеческого общества, что оно есть хотя бы небольшой вклад в общее дело построения социалистического общества, где все будут радостно и счастливо жить и работать. Кстати, я думаю, что у тебя об этом будущем обществе, вероятно, существуют неправильные представления как о чем-то сером, угнетающем личность, превращающем человека в животное, а человеческое общество в стадо. Враги социализма всегда старались и стараются изобразить его именно в таком виде, и неудивительно, если ты этому и поверил.

Но хватит о политике. Тебе это, вероятно, неприятно, но если хочешь, то в следующих письмах можно завязать полемику...

Я тебя уважаю... Я понимаю, что теперь тебе особенно трудно отказаться от своих взглядов, так как у каждого обладающего определенным уровнем нравственности человека должны быть какие-то духовные идеалы. Для нас они заключаются в достижении всеобщего счастья как материального, так и духовного, в работе, в науке, в литературе, в музыке и т. д. У тебя этих идеалов в современной жизни нет, и естественно, что единственное утешение ты находишь в религии».

Странно было о. Павлу, получившему блестящее образование в университете, всегда интересовавшемуся вопросами научными, социальными и современной жизни, получить упрек от сына в том, что он плохо знает теорию и практику социализма и не верит в построение земного рая без Бога.

Наступило страшное лето 1937 года. Советская власть решила покончить с христианством в России и закрыть к лету следующего года почти все церкви в стране. В соответствии с замыслом Сталина это был самый большой поход против Бога и Церкви.

Отца Павла, как и многих православных, такое решение Сталина обрекало на мученическую кончину. Он был арестован 27 июля 1937 года и заключен в Краснохолмскую тюрьму. На следующий день состоялся допрос.

– Скажите, гражданин Березин, чем вы занимались до революции и после революции?

– До революции и после я занимался исключительно служением и больше ничем не занимался вплоть до 1937 года, исключая только срок отбывания в ссылке. Хозяйства не имел никакого.

9 августа следователь допросил председателя сельсовета, который на вопрос, что он знает о священнике, сказал:

– Павла Михайловича Березина я знаю со дня его приезда в погост Котово, он служил все время в приходской церкви... В конце 1936 года в церкви погоста

Котово собравшимся в церкви колхозникам после службы читал проповедь, в которой говорилось: «В настоящий момент при советской власти мы находимся в ужасно плохом положении. Избегнуть такого положения можно только исключительно через... крепкую веру в Бога». Проповеди в церкви Березин читает после каждой службы, стараясь привлечь внимание людей к вере в Бога... В 1936 году в марте Березин читал проповедь такого содержания: «Миряне, знаете ли вы, почему пошел разврат в семьях, разводы мужа с женой и снова женитьба, частая смерть людей... Это все оттого, что вы забываете Бога и не обращаете внимания на Церковь». Кроме таких проповедей, Березин в 1937 году собирал нелегальные собрания прихожан, тайно и без разрешения органов советской власти, на которых обсуждались вопросы исключительно церковного характера.

13 августа следователь снова допросил священника.

– Расскажите о ваших контрреволюционных проповедях среди верующих и чем вы руководствовались.

– В своих проповедях я очень много говорил о том, что мы сейчас наблюдаем упадок нравственности, и в смысле нравственности мы находимся в ужасном, отчаянном положении; люди, видя такое положение, кончают жизнь самоубийством... Упадок нравственности есть результат упадка веры, а это все вместе ведет к физическому вымиранию людей.

Допросы шли не переставая, днем и ночью.

– Гражданин Березин, где и когда вы собирали нелегальное собрание верующих, какие обсуждались вопросы?

– 25 апреля 1937 года в сторожке Вознесенской церкви во время перерыва в службе собрались на отдых верующие. Я решил воспользоваться этим моментом для того, чтобы довести до сведения верующих то, что Калининский архиепископ отстранил от службы священника Одинцова за склоку. Больше никаких вопросов в это время не обсуждалось, и я сказать ничего не могу. Вы можете со мной делать что хотите, но я сказать не могу, потому что других вопросов не было.

В обвинительном заключении следователь написал: «Березин, возвратившись после отбытия срока наказания, продолжал систематически проводить антисоветскую контрреволюционную агитацию, выражавшуюся в открытых выступлениях перед верующими с антисоветскими и контрреволюционными проповедями, в которых распространял провокационные слухи об... упадке нравственности, объясняя это существованием советской власти и коммунистической партии. Распространял провокационные слухи о разложении семьи, о разврате среди населения, при этом сохранял контрреволюционную литературу».

3 октября Тройка НКВД приговорила о. Павла к расстрелу. Священник Павел Березин был расстрелян через несколько дней – 7 октября 1937 года.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 237-249